

Об особенностях бесермянской лексики в «Материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования

<https://doi.org/10.31483/r-151507>

УДК 811.511.131:811.512.145'282.2

Максимов С. А.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук г. Ижевск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме. Письменные памятники играют важную роль в изучении истории языка, языковых явлений и их динамики. Особое значение они имеют в отношении языка бесермян, компактно проживающих на северо-западе Удмуртской Республики. Язык данного малочисленного народа лишь в 2022 г. получил статус самостоятельного языка. Рукопись «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора» на данный момент является одним из немногих ранних памятников письменности, содержащих довольно большой объем бесермянского материала. Цель исследования — выявить в указанной рукописи бесермянские слова тюркского происхождения, провести анализ их происхождения и территориального распространения. В исследовании применены описательный метод и метод этимологического анализа. В ходе изучения лексики словаря были отобраны слова тюркского происхождения, присущие только или преимущественно бесермянскому языку. Большинство из них представляют татаризмы, заимствованные в северной части территории современных Кировской области и Удмуртской Республики, что говорит о тесных бесермянско-турецких контактах в указанном регионе. В приведенном списке всего два булгаризма и один чувашизм. Особенности словаря при дальнейшем анализе позволят определить его точную диалектную базу.

Ключевые слова: диалектная лексика, языковые контакты, удмуртский язык, тюркские заимствования, бесермянский язык, рукописный словарь, лексические особенности.

Для цитирования: Максимов С. А. Об особенностях бесермянской лексики в «Материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 36-41. DOI 10.31483/r-151507. EDN RMTSVK

Research Article

On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings

Sergey A. Maksimov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract. Written records play an important role in the study of language history, linguistic phenomena, and their dynamics. They are particularly significant for the language of the Besermyans, a compact group living in the northwest of the Udmurt Republic. The language of this small people only received the status of an independent language in 2022. The manuscript "Materials for a Comparative Dictionary of the Zyuzdin Permyak and Glazov Votian Dialects and the Besermyan Dialect" is currently one of the few early written records containing a significant amount of Besermyan material. The aim of this study is to identify Besermyan words of Turkic origin in this manuscript and analyze their origin and territorial distribution. The study utilizes descriptive and etymological methods. During the study of the dictionary's vocabulary, words of Turkic origin were selected, which are unique or predominantly found in the Besermyan language. Most of them are Tatarisms borrowed in the northern territory of what is now the Kirov Oblast and the Udmurt Republic, indicating close Besermyan-Turkic contacts in this region. The list includes only two Bulgarisms and one Chuvashism. Further analysis of the dictionary's features will allow us to determine its precise dialectal base.

Keywords: Turkic borrowings, dialect vocabulary, the Besermyan language, the Udmurt language, manuscript dictionary, lexical characteristics, linguistic contacts.

For citation: Maksimov S. A. (2025). On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 36-41. EDN: RMTSVK. <https://doi.org/10.31483/r-151507>

Введение

Письменные памятники играют важную роль в изучении истории языка, языковых явлений и их динамики, а также истории носителей языка. Неслучайно одним из основных направлений научной деятельности удмуртского лингвиста Т. И. Тепляшиной являлось исследование памятников удмуртской письменности,

результаты которого воплотились в одну из ее монографий¹. Указанное направление не утратило актуальность и в настоящее время, о чем говорят вновь появляющиеся работы не только в виде отдельных статей,

¹ Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 19-32. DOI 10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32. EDN YTXKFI

но и в виде монографий [Ившин, 2020; Безенова, 2020, № 3; Безенова, 2020, № 1; Максимов, 2022; Ившин, 2023]².

Особое значение ранние записи речи имеют в отношении бесермянского языка — языка малочисленного народа (2 036 чел.), компактно проживающего в северо-западных сельских районах Удмуртской Республики и в г. Глазове; в 2022 г. получил статус отдельного языка. До последнего времени бесермянский оставался бесписьменным. Рукопись «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора»³ на данный момент является одним из немногих ранних памятников письменности (конец XIX в.), содержащим довольно большой объем бесермянского лексического материала — 810 единиц. Автором словаря, по мнению Т. И. Тепляшиной, является статистик Вятского края конца XIX в. П. М. Сорокин⁴.

Русский словарик словаря, в соответствии с которым осуществлялись переводы на другие языки, представлен 1642 понятиями [Ившин, 2020, с. 184–185]. Передачу в нем звуков, фонетические и некоторые лексические особенности бесермянских слов были рассмотрены Т. И. Тепляшиной⁵. Общая характеристика, анализ графических и иных черт записей удмуртских слов был осуществлен Л. М. Ившиной [Ившин, 2020].

Цель данного исследования — выявить в рассматриваемом письменном источнике бесермянские слова тюркского происхождения, установить их этимологию и территориальное распространение в бесермянско-удмуртском диалектном кластере.

Материалы и методы исследования

Исследование преимущественно базируется на основе рукописи «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора». Автором также были использованы материалы других источников [Максимов 2024]⁶. Удмуртские примеры привлекались из словаря удмуртских диалектов Ю. Вихманна⁷ и двух изданий диалектологического атласа удмуртского языка⁸.

Цели исследования достигались с помощью описательного метода и метода этимологического анализа.

² Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 53–70. DOI 10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70. EDN CQNUHA

³ Ившин Л. М. К истории удмуртской графики: обозначение звука ѿ в памятниках ранней удмуртской письменности // Linguistica Uralica. 2020. Том 56. Выпуск 2. С. 125–132. DOI 10.3176/lu.2020.2.04. EDN GIXXIS

⁴ Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века : монография. Ижевск, 2023. 216 с. EDN GUOQXO

⁵ Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 2. С. 184–190. DOI 10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190. EDN NZHNUD

⁶ Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Том 16, № 3. С. 405–415. DOI 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415. EDN UYECQW

⁷ Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

⁸ Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Выпуски 1–2. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2009–2010.

Результаты исследования и их обсуждение

Ниже представлен список тюркских заимствований, извлеченных из рассматриваемого источника. Исследуемые лексические единицы даны курсивом в алфавитном порядке. Значения слов, как и во всей работе, заключены в одиночные кавычки. В необходимых случаях для сравнения после бесермянского слова приводится удмуртский вариант, приведенный в рукописи. Числа в квадратных скобках означают номера листов: [1] — лист № 1; [1 об.] — оборот листа № 1. Далее приводятся лексические соответствия из публикаций, представляющих бесермянские материалы середины прошлого — начала нынешнего века, после чего — данные удмуртских диалектов. Этимологии для большинства слов мы нашли в соответствующей литературе. При их отсутствии, а также в сомнительных случаях разрабатывали свои версии и приводили комментарии с уточнениями.

В отношении современной графики бесермянских слов следует сделать некоторые замечания: а) символ ё (= удм. диал. ъ, ф.-у. ё) обозначает неогубленную гласную фонему средне-заднего ряда средне-нижнего подъема, акустически близкую к чув. ё, тат. ё; б) символ ъ' (= ф.-у. ъ) — палатальная звонкая аффриката, близкая к тат. дж, звонкий вариант согласного ч.

Список лексики тюркского происхождения

1. Абы 'Бабушка' [1]; ср. бес. аби тж. [Максимов, 2024, с. 85], южн. аби ~ ёби < тат. ёби ~ ёбей 'бабушка; теща' [Федотов, 1985, с. 118–119; Алатырев, 1988, с. 50; Csúcs, 1990, с. 92; Тараканов, 1993, с. 26; Сий, 1998, с. 80]. Наше прочтение: аби, где в ауслауте употреблялся отодвинутый назад звук и; также можно допустить, что мы имеем дело с полной веляризацией переднерядного гласного под влиянием губного б: и > ё.

2. Амсыръ, удм. Сюлэгъ 'Узкий' [30]; ср. бес. амсөр 'узкий' [Максимов, 2024, с. 98]; удм. диал. амсър ~ аյсър ~ аңсыр тж. [Насибуллин, с. 2010, с. 76, 330]. Данное слово лингвисты относят или к чувашизмам [Алатырев, 1988, с. 95–96; Wichmann, 1987, с. 7; Федотов, 1996, т. 1, с. 42], или к булгарским заимствованиям [Тараканов, 1993, с. 24–25, 33–34; Кельмаков, 2018, с. 118].

3. Анай, удм. Мумы 'Мать' [12 об.]; ср. бес. анай 'мать, мама' [Максимов, 2024, с. 99]; бес. южн. анай < тат. анай ~ әнәй ~ әни [Алатырев, 1988, с. 93; Тараканов, 1993, с. 33; Эхмәтъянов, 2015, т. 1, с. 97, 134; Csúcs, 1990, с. 104; Сий, 1998, с. 80].

4. Аръ 'Вотякъ' [1 об.] < тат. ар 'удмурт' [Насибуллин, 2009, с. 56].

5. Бабача 'двоюродный брат' [5 об.]; ср. тат.: нукр. глз. бабача 'дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца' [Татар, 1969, с. 62; Максимов, 2024, с. 115].

6. Банъ, удм. Бамъ 'Лицо' [12]; ср. бес. бан, бам (Горд.) 'щека; лицо' [Максимов, 2024, с. 118]. Существуют параллели в разных тюркских языках; в отношении языка-источника мнения учёных расходятся: возможно, булгаризм (чувашизм) или какой-либо (древний) тюркизм: < тюрк. бәү (см.: Räsänen, 1969, с. 70, 362; Лыткин, Гуляев, 1999, с. 37; Алатырев, 1988, с. 154; Тараканов, 1993, с. 41; Напольских, 1995, с. 39; Rédei, Róna-Tas, 1972, с. 282); лит. бам.

7. *Бі́эмъ* ‘Свекровь’ [25]; ср. бес. *бийөм* тж. [Максимов, 2024, с. 139] < тат.: нукр. глз. *бийем* тж. [Татар, 1969, с. 84]. Наше прочтение: *бийөм*.

8. *Зязай* ‘Дядя (по отцу)’ [7]; ср. бес. *зәзай* ‘старший брат’, ‘дядя’ < тат. диал. *дәдә(й)* ‘старший брат’, ‘братья деда’, ‘дядя’ < рус. [Татар, 1969, с. 131; Максимов, 2024, с. 281]. Наше прочтение: *зәзай* /*зәзәй*/.

9. **Капка*⁹: Капк ‘Ворота’ [2 об.]; ср. бес. *капка* ‘ворота; полевые ворота’ [Максимов, 2024, с. 308]; южн. *капка* < тат. *капка* ‘ворота’ [Тараканов, 1993, с. 75; Насибуллин, 2010, с. 61, 273]. В фиксации отсутствует конечная буква *а*.

10. *Кенәсъ*, удм. *кено́съ* ‘Клеть’ [9 об.]; ср. бес. *кенәс* ~ *кенас* ~ *кенос* ‘амбар; клеть’, ‘склад’ [Максимов, 2024, с. 329–330]; бес. (Шам.) *кенәс* ‘амбар’ [Словарь, 2013, с. 205] < тюрк. (? булг.), ср. кар. *кенаса* ‘молельный дом’ < ивр. ‘дом собрания’ [Максимов, 2018, с. 36–40].

11. **Кейө*: *Паясь*, удм. *Колодса* ‘Колодец’; ср. *кәйә* ‘колодец’; *паясь* (*n* = *к*; *къийъс*) ‘из колодца’ — С. М. [Тепляшина, 1970, с. 54]; *көјө* лекм., *kolodes'* юнд. зап., *kolodč'a* (Вас.) ‘колодец’ [Тепляшина, 1970, с. 57]; *көјө* (Гул. Жув. Тут. Шам.) — ПМТ [Максимов, 2024, с. 379]; южн. *куйы*, кукм. бавл. *күйә* ‘колодец’ [Насибуллин, 2009, с. 212] < тат. *кое* [Csúcs, 1990, с. 227; Тараканов, 1993, с. 90].

12. *Мучо́ ‘баня’* [1]; ср. бес. *мечо*, *мучча* (Гул.), *мучо* (Врц.), *мынчо* (Итча), *мөнчо*, *мөнчө* [Максимов, 2024, с. 453]; бес. (Шам.) *мучо* ‘баня; парилка’ [Словарь, 2013, с. 288]; лит. *мунчо* ‘баня’. Финский лингвист Ю. Вихманн данное слово считал или татарским, или чувашским заимствованием [Wichmann, 1987, с. 165]. И. В. Тараканов относит к булгариzmам, приводя следующие соответствия: чув. *мунча* ~ монча, *мочча* ~ молча, тат. *мунча*, башк. *мунса* < рус. *мыльня* ~ *мыльница* [Тараканов, 1993, с. 100]. Ввиду общенационального распространения удмуртскую лексему предпочтительнее считать булгарским заимствованием. Бесермянские формы, возможно, испытывали воздействие местных (соседних) татарских говоров, ср. тат.: нукр. глз. *мича* [Татар, 1969, с. 306].

13. *Писяй ‘Кошка’* [10 об.]; ср. бес. *писяй* ~ *псяй* тж. [Максимов, 2024, с. 518]; сев.: нч. сч. *пис'ай*, южн. *писэй* < тат. *песи*, диал. *печэй* ~ *песэй* [Csúcs, 1990, с. 250; Тараканов, 1993, с. 107; Насибуллин, 2009, с. 146–147]. Бесермянская и североудмуртская форма восходит к диалекту чепецких татар: < тат.: нукр. глз. *печай* ~ *пычай* < ?чув. **писэй*.

14. *Салямдалякумъ ‘Здравствуй’* [8] < тат.; *ас-саляму алейкум* — традиционное приветствие в исламе < араб. ‘мир вам’.

15. *Сар-вый*, удм. *Чуж-вый* ‘Масло’ [12 об.]; ср. бес. *сарвей* ‘топленое масло’ [Максимов, 2024, с. 569] < тат. *сары май* ‘желтое масло’.

16. *Ташка*, удм. *Тучко ‘Кочерга’* [10 об.]; ср. бес. *ташка* тж. [Максимов, 2024, с. 630]; бес. (Шам.) *ташка* ‘лопатка на длинной ручке’ [Словарь, 2013, с. 418], ‘выгребалка’ [Словарь, 2017, с. 77] < тат.: глз. *тәшиқа* ‘кочерга’ [Татар, 1969, с. 441, 248]; удм. *тушико* (~ түчко) ‘кочерга’, ‘скребок для сгребания зерна’ < булг. (> чув. *турчайка* ~ *торчайка*) [Тараканов, 1993, с. 129].

17. *Тырлыкъ ‘Власть’* [3 об.]; ср. лит. *төрлык*. Наше прочтение: *тэрлөк* ~ *төрлөк*. Литературная форма пред-

⁹ Данная форма слова, как и Кейө (11), реконструирована нами. Оригинальная запись источника дана после двоеточия.

ставляет неологизм, образованный от слова *тöр(о)* ‘старшина, староста; глава’. Возможно, бесермянское слово образовалось в результате тюркского (татарского) влияния, ср. башк. *турлек* ‘важное (почетное) место; важность’.

18. *Тяка ‘баран’* [1]; ср. бес. *тика* ~ *тага* тж. [Максимов, 2024, с. 666]; лит. така. По мнению И. В. Тараканова, удм. *тика* ~ *тага* ‘баран’ восходит к тат. *тәкә* [Тараканов, 1993, с. 120]. Мы считаем, что название барана *тика* в прадумуртский период скорее всего заимствовано из языка булгар, поскольку имеет общеудмуртское распространение. В северо-западных удмуртских говорах употребляется форма *тага*, проникшая к северным удмуртам через бесермянское посредство от чувашеязычного населения бассейна Чепцы: < чув. *тика* /*тага*/ (в современном чувашском интервокальные согласные, обозначаемые как глухие, на 75 процентов являются звонкими). Впоследствии бесермянский вариант *тага* под влиянием языка местных татар приобрел форму *тика* < тат.: глз. *тәкә*.

19. *Умарта*, удм. *Мушъ ‘Пчела’* [22]. Удм.: юдз. *уморто* < тат. *умарта* ‘uled’ [Wichman, 1987, с. 297–298; Тараканов, 1993, с. 134]. Значение бесермянского слова зафиксировано неверно, но его звуковой облик говорит о том, что оно является поздним татарским заимствованием, которое проникло после звукоперехода *a* > *o* в непервом слоге удмуртских и бесермянских слов в конце XVI — начале XVII в. (о данном звукопереходе см.: Кельмаков, 1993, с. 16–17, 24–25).

20. *Янчикъ*, удм. *Кошель ‘Кисеть’* [9 об.]; ср. бес. *янчек* ~ *янчик* ‘кошель, кошелек’ [Максимов, 2024, с. 757]; *янчек* ‘кошелек, кисет (расшитая сумочка через плечо для хранения табака или денег)’ [Словарь, 2013, с. 522]; южн. *янчик* ‘кошель, кошелек’, ‘кисет, мешочек, кошна’ < тат. *янчык* ‘мешок, мешочек, кошна, кисет’ [Тараканов, 1993, с. 65]. В большинстве бесермянских говоров во втором слоге данного слова употребляется звук *ө*. Второй слог при фиксации, возможно, был оформлен по аналогии с русским суффиксом *-чик*. В связи со сказанным мы отдаем предпочтение заднерядному гласному.

В исследуемом рукописном словаре нами выявлено 20 бесермянских слов тюркского происхождения, многие из которых имеют территориально ограниченное распространение в удмуртских диалектах или отсутствуют в последних. Также мы рассматривали лексические единицы, отличающиеся от удмуртских аналогов фонетическим или словообразовательным обликом. В соответствии с источником происхождения — татарским, булгарским и чувашским — данные лексемы мы разделили на три группы.

Татарские заимствования

Наиболее количество из рассмотренных выше слов относится к татарским заимствованиям. По степени представленности в бесермянско-удмуртском диалектном кластере их можно разделить на несколько групп:

1) татаризмы, встречающиеся только в бесермянских говорах (11 единиц)¹⁰: ар (4) *‘удмурт’, *бабача* (5) ‘двоюродный брат’, ? *‘дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца’, *бийөм* (7) ‘свекровь’, *зәзай* (8)

¹⁰ Примеры здесь и ниже даны в современной орфографии. Число в круглых скобках после примеров отсылает к лексеме основного списка. Звездочка (*) указывает на значение слова в современных словарях.

‘дядя (по отцу)’, *‘старший брат’, ‘дядя’, *мучо* (12) ‘баня’, *салямдалякум* (14) ‘здравствуй’, *сар-вөй* (15) ‘масло’, *‘топленое масло’, *ташка* (16) ‘кочерга’, *‘кочерга’, *‘скребок для сгребания зерна (навоза)’, *тэрлөк* (~ *төрлөк*) (17) ‘власть’, ? *‘важный человек, почетный гость’, *мяка* (18) ‘баран’, *умарта* (19) ‘улей’;

2) слова, встречающиеся только в бесермянском языке и южноудмуртской диалектной зоне (пять единиц): *аби* (? ~ *абө*) (1) ‘бабушка’, *анай* (3) ‘мать, мама’, *капка* ‘ворота’, *‘ворота; полевые ворота’, *көйө* (11) ‘колодец’, *янчөк* (~ *янчик*) (20) ‘кошель, кошелек’, *‘кошелек, кисет’;

3) лексемы, встречающиеся только в бесермянском языке и северо-западных удмуртских говорах (одна единица): *писяй* (13) ‘кошка’.

Булгарские заимствования

бан (6) ‘лицо’, *‘щека; лицо’, удм. *бам*, южн. *бај*. Хотя прямых параллелей нет в чувашском языке, мы не можем вести речь о том, что источником данного слова мог быть какой-нибудь кыпчакский язык, поскольку оно повсеместно употребляется в коми кластере (*бан*). Однако никогда не ставился вопрос о том, почему в бесермянской форме ауслаутный согласный представлен звуком *н*. Рефлексом праудмуртского **η* в современных удмуртских говорах обычно является звук *н*, но в окружении губных согласных (огубленных гласных?) он обычно перешел в губной звук *м*, ср. удм. бес. *пум* < *пуη* ‘конец’. В бесермянском, по всей вероятности, господствуют другие фонетические законы, где звукопереход *η* > *м* осуществляется даже при отсутствии указанных выше условий, ср. *амсөр* (2) < *ајсөр* ‘узкий’. В случае со словом *бан* мы приходим к мысли, что бесермянская форма является заимствованием из коми языка, точнее говоря, является словом, фонетический облик которого трансформировался под влиянием коми, ср. к. *бан* ‘лицо, щека’¹¹.

кенэс (10) ‘клеть’, *‘амбар; клеть’, *‘склад, удм. *кенос*, завят. бес. *кенас*. Имеется мнение, что удм. *кенос* ‘амбар; клеть’ возникло из сочетания *кен* ‘невестка, сноха’ и *ös* ‘дверь’¹². На самом деле данное суждение является результатом народной этимологии. Слияние двух указанных слов породило бы форму *кенэс*, как и удм. *ыбес* ‘ворота с пряслами’ < *ыб* *‘к. поле’ + *ös* ‘дверь’. Удмуртское слово *кенос* является результатом закономерного фонетического развития праудмуртского *кенас*, архаичный облик которого сохранился в некоторых удмуртских и бесермянских говорах и восходит к тюркским языкам, ср. кар. *кенаса* ‘молельный дом’, по-видимому, проникший в праудмуртский через язык булгарских племен. Современная бесермянская форма *кенэс* образовалась под влиянием народноэтимологической ассоциации: *кен* ‘невестка, сноха’ + *эс* ‘дверь’, поскольку молодожены (в теплый период) первую брачную ночь и впоследствии определенное время после свадьбы преимущественно проводили в этом строении.

¹¹ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 37.

¹² Кенос [Электронный ресурс]. URL: <https://informvest.ru/kenos.html> (дата обращения: 02.11.2025).

Чувашское заимствование

амсөр (2) ‘узкий’. В большинстве удмуртских диалектов вместо данного слова употребляется исконная лексема *сюбег* ~ *сюлэг*. Аналог *амсөр* обнаруживается в чувашском языке. В этом случае подобные слова в удмуртском языкоznании традиционно принято называть булгарскими заимствованиями. Однако следует принять во внимание ареал лексемы: кроме бесермянского языка, она зафиксирована в завятских говорах (Татарстан), в нескольких населенных пунктах, относящихся к срединным говорам западной периферии удмуртского языкового ареала, а также в ограниченной области северо-западного ареала. Все это говорит о том, что речь не может идти о булгарском заимствовании, мы имеем дело с (поздним) чувашским заимствованием. При этом форма *амсөр*, по-видимому, в кукморский говор (Татарстан) внедрилась в результате обратной миграции бесермян с севера, с бассейна Чепцы, на юг.

Перезаимствования

Под данным термином обычно понимается процесс и результат усвоения чего-либо из одного общества (языка) в другое при последующем заимствовании из последнего в предыдущее, но в нашем исследовании речь будет вестись о неоднократном заимствовании одного и того же слова, при этом первоначальное заимствованное слово будет корректироваться в соответствии с аналогом в языке, с которым имеет дело контактирующий язык. Под настоящеe описание подпадают пять лексем:

бан (6) ‘щека; лицо’, удм. *бам*, диал. *бај* < булг. **бай* + к. *бан* тж.;

мучо (12) ‘баня’, удм. *мунчо* < булг. **мунча* + тат.: нукр. глз. *мича*;

ташка (16) ‘кочерга; скребок для сгребания зерна (навоза)’, удм. *тушко* ~ *тучко* < булг. **турчака* ~ *торчака* + тат.: глз. *тәшкә* ‘кочерга’;

мяка (18) ‘баран’, удм. *така* < булг. **така*, бес. удм.: сз. *тага* < чув. *така* /*тага*/, бес. *мяка* < тат.: нукр. глз. *тәкә*;

умарта (19) ‘улей’, удм.: юдз. *уморто* < тат. *умарта*. Южноудмуртско-бесермянское название улья *уморто* (< *умарта*) было заимствовано из татарского языка в низовьях бассейна Вятки, бесермянская форма *умарта* — вторичное заимствование в бассейне р. Чепцы.

Уникальные фиксации словаря

ар ‘удмурт’, *бабача* ‘двоюродный брат’, ? *‘дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца’, *салямдалякум* ‘здравствуй’, *тэрлөк* (~ *төрлөк*) ‘власть’, ? *‘важный человек, почетный гость’.

Уникальность приведенных слов в том, что они представлены только в данном источнике. Ни в одном из диалектов удмуртско-бесермянского кластера подобные лексические единицы до сих пор не зафиксированы.

Выводы

В ходе исследования лексики рукописного словаря П. М. Сорокина было отобрано 20 слов тюркского происхождения, характерных для бесермянского языка.

Их большую часть представляют татарские заимствования, при этом многие из них употребительны только в бесермянском языке. Подобные слова были восприняты бесермянами от татарского населения, проживающего на севере современных Кировской области и Удмуртской Республики в бассейне р. Чепцы, что говорит о более тесных бесермянско-турецких контактах в указанном регионе по сравнению с правобережьем нижней Вятки — прежней территории локализации предков бесермян.

В приведенном списке всего два булгаризма и один чувашизм, что как будто противоречит широко распространенному мнению о заметной булгарской роли в этногенезе бесермян. Однако часть лексем булгаро-чувашского типа впоследствии могли быть заменены соответствующими аналогами других языков. Например, такие слова, как *бан* ‘щека; лицо’, *мучо* ‘баня’, *ташка* ‘кочерга; скребок’, *мяка* ‘баран’, первоначально были освоены в булгарский период. Последующее контактирование с соседними народами привело к изменению их фонетического облика под влиянием контактирующих языков — татарским и коми (ср. с к. *бан*). Бесермянское название *улья умарта* ‘улей’, в отличие от южноудмуртского *уморт*, имеет архаичный облик благодаря вторичному заимствованию из татарского.

В исследуемом источнике выявлено несколько слов, которые нигде более не фигурируют: ар ‘удмурт’, *бабача* ‘двоюродный брат’, *салымдалякум* ‘здравствуй’, *тэрлөк* (~ *төрлөк*) ‘власть’. Очевидно, что дальнейший анализ особенностей материалов словаря позволит определить локализацию населенного пункта, в котором П. М. Сорокин записал бесермянский материал.

Сокращения

Араб. — арабский язык; бавл. — бавлинский говор (пюж.); башк. — башкирский язык; бес. — бесермянский язык; булг. — булгарский язык; Вас. — д. Васильево (Глазовский р-н УР); Врц. — д. Ворца (Ярский р-н УР); глз. — глазовский говор (тат.); Горд. — д. Гордино (Балезинский р-н УР); Гул. — д. Гулёкшур (Юкаменский р-н УР); диал. — диалектное; Жув. — д. Жувам (Юкаменский р-н УР); завят. — завятские говоры (пюж.); ивр. — иврит; Итча — д. Мал. Итчи (Якшур-Бодьинский р-н УР); к. — коми язык; кар. — караимский язык; кукм. — кукморский говор (пюж.); лекм. — лекминский говор (бес.); лит. — (удмуртский) литературный язык; нукр. — нукратский говор (тат.); нч. — нижнечепецкий диалект (сев.); ПМТ — полевые материалы Т. И. Тепляшиной; пюж. — периферийно-южный диалект (удм.); рус. — русский язык; сев. — северное наречие (удм.); сч. — среднечепецкий диалект (сев.); тат. — татарский язык; Тут. — д. Тутаево (Юкаменский р-н УР); тюрк. — тюркские языки; удм. — удмуртский язык; УР — Удмуртская Республика; ф-у. — финно-угорское; чув. — чувашский язык; Шам. — д. Шамардан (Юкаменский р-н УР); юдз. — южная диалектная зона (удм.); юж. — собственно южный диалект (удм.); южн. — южное наречие (удм.); юнд. — юндинский говор (бес.).

Источники словарного материала

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: буквы А, Б. Ижевск : Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1988. 240 с.
2. Эхмэтьянов Р. Г. Татар теленец этимологик сүзлеге : 2 томда. Казан, 2015.
3. Кельмаков В. К. К письменной истории одного булгаризма удмуртских диалектов // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2018. С. 117–121.
4. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 58 с.
5. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
6. Максимов С. А. Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной. Ижевск, 2024. 816 с.
7. Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические мутаморфозы, или о некоторых словах со «странный» внутренней структурой в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12, выпуск 3. С. 30–47.
8. Напольских В. В. О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. 1995. № 3–4. С. 38–51.
9. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Выпуск 1. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.
10. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Выпуск 2. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 364 с.
11. Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Будапешт : Akadémiai Kiadó, 1998. 217 с.
12. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / составители А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
13. Тараканов И. В. Удмуртско-турецкие языковые взаимосвязи : теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.
14. Татар теленец диалектологик сүзлеге. Казан : Татар китап нәшрияты, 1969. 643 с.
15. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 287 с.
16. Федотов М. И. Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Ижевск, 1985. С. 116–131.
17. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах / Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
18. Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. 306 S.
19. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen : Bände 1–2. Helsinki, 1969–1971.
20. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspermi kori bolgár-török jövényszavai. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1972. 74 / 2. Oldal 281–298.
21. Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

Список литературы

- Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 19-32. DOI [10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32](https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32). EDN [YTXKFI](#)
- Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 53-70. DOI [10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70](https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70). EDN [CQNUHA](#)
- Ившин Л. М. К истории удмуртской графики : обозначение звука ö в памятниках ранней удмуртской письменности // *Linguistica Uralica*. 2020. Том 56. Выпуск 2. С. 125-132. DOI [10.3176/lu.2020.2.04](https://doi.org/10.3176/lu.2020.2.04). EDN [GIXXIS](#)
- Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века : монография. Ижевск, 2023. 216 с. EDN [GUOQXO](#)
- Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 2. С. 184-190. DOI [10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190](https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190). EDN [NZHNUD](#)
- Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Том 16. № 3. С. 405-415. DOI [10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415](https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415). EDN [UYECQW](#)

References

- Bezenova, M. P. (2020). The peculiarities of the translation of «The Law of God» (1912) into the Udmurt: verbal morphology. *Uralo-Altaï Studies*, 3, 19-32. EDN: [YTXKFI](#). <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32>
- Bezenova, M. P. (2020). The peculiarities of the translation of «The Law of God» (1912) into the Udmurt: nominal morphology. *Uralo-Altaï Studies*, 1, 53-70. EDN: [CQNUHA](#). <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70>
- Ivshin, L. M. (2020). On the history of Udmurt graphics: the designation of the sound ö in the monuments of early Udmurt writing. *Linguistica Uralica*, 56(2), 125-132. EDN: [GIXXIS](#). <https://doi.org/10.3176/lu.2020.2.04>
- Ivshin, L. M. (2023). Vocabulary of monuments of Udmurt writing of the 18th century., 216. Izhevsk.
- Ivshin, L. M. (2020). About the manuscript «Materials for a comparative dictionary...». *Yearbook of Finno-Ugric studies*, 14(2), 184-190. EDN: [NZHNUD](#). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190>
- Maksimov, S. A. (2022). Features of reading individual Besermyan words from written monuments of the 18th-19th centuries. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 16(3), 405-415. EDN: [UYECQW](#). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415>

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Поступила в редакцию 07.11.2025

Принята к публикации 03.12.2025

Опубликована 04.12.2025

Information about the author

Sergey A. Maksimov – Cand. Sci. (Phil.), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Received 7 November 2025

Accepted 3 December 2025

Published 4 December 2025